

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-4-133-140

Сапченко Л.А.*Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова***КАРАМЗИН И БЮФФОН***

Аннотация. В статье намечены некоторые грани восприятия Н.М. Карамзиным личности и наследия Жоржа Луи Леклерка де Бюффона, французского учёного и естествоиспытателя, который стоял для Карамзина рядом с Вольтером и Руссо. Карамзин много переводил из Бюффона, помещал материалы о нём на страницах «Вестника Европы», упоминал в письмах, неоднократно цитировал высказывания французского писателя о творческом труде («Стиль – это человек», «Гений – это терпение», «Одиночество – мать гения» и др.). Русского автора интересовало отношение Бюффона к любви, к писательскому мастерству, к таланту и славе. Историографу близки были также философские воззрения Бюффона на проблемы эволюционного развития и человеческого познания.

Ключевые слова: Карамзин, Бюффон, переводы, высказывания о творчестве и любви, труд писателя, стиль, талант, гений, терпение

L. Sapchenko*Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University***KARAMZIN AND BUFFON**

Abstract. The article outlines N. Karamzin's dimensions of perception of identity and heritage of Georges-Louis Leclerc de Buffon, a French scientist and naturalist, who to Karamzin stood next to Voltaire and Rousseau. Karamzin translated a lot of Buffon, mentioned him in his letters, repeatedly quoted his statements on creative work («Style is a man», «Genius is patience», «Loneliness is the mother of genius» and others), placed information on him in «Envoy of Europe». Karamzin was interested in Buffon's attitude towards love and creative writing, talent and fame. The historiographer also held philosophical views similar to Buffon's on the issues of evolutionary development and human cognition.

Keywords: Karamzin, Buffon, translations, statements on work and love, labor of a writer, style, talent, genius, patience.

Обширная проблема «Карамзин и европейская культура» представлена в многочисленных работах и в разных аспектах. Связи Н.М. Карамзина с английской, немецкой, французской литературой были рассмотре-

ны в исследованиях М.П. Алексеева, А.Н. Веселовского, Р.Ю. Данилевского, В.М. Жирмунского, Ю.Д. Левина, В.В. Сиповского, Н.С. Тихонравова и др.

Наиболее подробно изучены проблемы «Карамзин и Вольтер», «Карамзин и Кант», «Карамзин и Руссо», «Ка-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Номер проекта 15-04-00494 «а»

© Сапченко Л.А., 2015.

рамзин и Стерн». Однако за пределами этого остаётся ещё внушительный перечень имён, важных для Карамзина, для изучения его мировоззрения, его эстетических и философских взглядов, но не получивших освещения ни в научной, ни в популярной литературе. Так, не существует специальных работ об отношении Карамзина к наследию Монтеня, Монтескье, Паскаля и др. В этом списке может значиться также имя Жоржа Луи Леклерка де Бюффона (1707-1788), знаменитого французского учёного-естествоиспытателя и писателя, иностранного почётного члена Петербургской академии наук. Современная наука все более ясно осознаёт его роль в развитии европейского Просвещения. Так, М.В. Разумовская даёт обзор истории восприятия и отражения в российской словесности идей Бюффона, который предстал поначалу (благодаря появившимся в 1756 году переводам из «Естественной истории») лишь как натуралист [19].

В 1783 г. Н.И. Новиков в «Московских ведомостях» публикует биографические очерки французских просветителей и, в частности, Бюффона, а в 1786 г. Н.Я. Озерецковский переводит и печатает рассуждение Бюффона «О стиле», где изложены были его литературно-эстетические воззрения.

В настоящей статье делается попытка наметить некоторые грани восприятия личности и наследия Бюффона Николаем Михайловичем Карамзиным, для которого он стоял рядом с Вольтером и Руссо.

Одно из первых упоминаний о Бюффоне мы находим в письме Карамзина к Лафатеру от 25 июля 1787 года. Рассуждая о том, как соединены душа и тело, Карамзин воспринимает Бюф-

фона только как естествоиспытателя, натуралиста, изучающего физическую природу вещей. Самого же Карамзина интересует прежде всего человек, «который так удивительно создан». Автор письма к Лафатеру не желает, подобно Бюффону, «разбрасываться по всем четырём частям света, чтоб распознать всех червей, а о самом себе так мало заботиться» [8, с. 472]. Как отмечает В.А. Мильчина, в этот период естественнонаучные сочинения Бюффона были более известны, его же психологические зарисовки начинают брать верх лишь в конце столетия [см. 16].

Имя Бюффона возникает в примечании Карамзина к собственному стихотворению «Соловей» (1796). Бюффон предстаёт здесь несколько в ином качестве: как человек, не чуждый лирических переживаний и поэтического чувства. К строчкам:

Как Феб златый, являясь пышно
На тверди, славою своей
Луну и звёзды помрачает,
Так песнь твоя уничтожает
Гармонию других певцов
Поёт и жаворонок в поле,
Виясь под тенью облаков;
Поёт приятно и в неволе
Любовь-малиновка весной; –

Карамзин делает сноску: «Любовь служит здесь прилагательным к малиновке. По-русски говорят: надежда-сударь, радость-сестрица и проч. “Малиновка есть птица любви”, — сказал Бюффон» [9, с. 232].

Бюффона мы находим среди авторов, чьи произведения были переведены Карамзиным и помещены им в «Московских ведомостях» («Об олени и звериной ловле») и в «Пантеоне ино-

странной словесности»: «Идеи первого человека при развитии его чувств» (этот материал содержит некоторые положения, которые получили воплощение и развитие в эстетике русского сентиментализма [20, с. 114-146]), «*Ното duplex*», «Описание аравийской пустыни», а также пространную выдержку из записок Эро де Сешеля «Бюффон перед концом жизни». Кроме того, Карамзин перевёл и напечатал подборку изречений Бюффона («Некоторые мысли французских авторов») [12, с. 319-327].

Бюффон широко известен как автор афоризма «Стиль – это человек». Фраза эта была произнесена в его академической речи, где Бюффон сказал, в частности: «Знания, факты и открытия легко расхищаются, заимствуются... Все эти вещи – вне человека, а стиль – это и есть человек. Стиль нельзя ни похитить, ни заимствовать, ни исказить...» (*Discour sur le stile*) [цит. по: 17, с. 185].

В отрывках из Эро де Сешеля («Бюффон перед концом жизни») неоднократно затрагивается тема работы писателя над стилем: «Он <Бюффон. – Л. С.>перечитывает несколько раз всякое из сочинений своих и *кладёт его отдыхать. Не надобно спешить*, говорит он: *через несколько дней глаза освежатся, всё лучше увидишь и всегда найдёшь, что поправить.* – Когда в манускрипте много поправок, Бюффон отдаёт их переписывать секретарю своему, иногда несколько раз, пока совершенно будет доволен мыслями и слогом» [6, с. 195]. По всей видимости, эта установка во многом импонировала самому Карамзину.

В 1802 году в материалах «Вестника Европы» Карамзин вновь упоминает

Бюффона. Очевидно, что переводя его сочинения, Карамзин открыл для себя новые грани личности этого человека. Русского автора заинтересовало отношение Бюффона к любви, к писательскому труду, к таланту и славе. «Бюффон странным образом изъясняет свойство великого таланта или гения, говоря, что он есть *терпение в превосходной степени*. Но если хорошенько подумаем, то едва ли не согласимся с ним; по крайней мере без редкого терпения гений не может воссиять во всей своей лучезарности. *Работа есть условие искусства*; охота и возможность преодолеть трудности есть характер таланта. Бюффон и Ж.-Ж. Руссо пленяют нас сильным и живописным слогом: мы знаем от них самих, чего им стоила пальма красноречия!» – пишет Карамзин в статье «Отчего в России мало авторских талантов?» [11, с. 124-125].

Напечатанные в 1803 году в «Вестнике Европы» размышления Карамзина «О счастливейшем времени жизни» кажутся навеянными статьёй Бюффона «*Ното duplex*». **Говоря о двойственности** человеческой природы, о борьбе вещественной и духовной сущностей человека, французский философ видит все этапы жизни (детство, юность, зрелость, старость) как постоянную смену несчастья (мучительные моменты противостояния материи и духа) и счастья (торжество одной сущности «без сопротивления другой»). Вступая в спор с Бюффоном, Карамзин ищет возможность их примирения, устанавливает гармонию между ними: «Какую же эпоху жизни можно назвать *счастливейшею по сравнению?* Не ту, в которую мы достигаем до физического совершенства в бытии (ибо человек не

есть только животное), но – *последнюю степень физической зрелости* – время, когда все душевные способности действуют в полноте своей, а телесные силы ещё не слабеют приметно; когда мы уже знаем свет и людей, их отношения к нам, игру страстей, цену удовольствий и закон природы, для них установленный; когда разум наш, богатый идеями, сравнениями, опытами, находит истинную меру вещей, соглашается с ней желания сердца и даёт жизни общий *характер благоразумия*. Как плод дерева, так и жизнь бывает всего сладостнее *перед началом увядания*» [11, с. 204-205].

Окончательную победу над человеком одерживают у Бюффона леность и скука. У Карамзина счастливейшее время жизни («перед началом увядания») ознаменовано торжеством Гения.

В 1811 году, составляя для великой княгини Екатерины Павловны рукописный альбом с высказываниями различных авторов по важнейшим проблемам человеческого бытия, Карамзин делает ряд выписок также из Бюффона: помещает его размышления о таланте, о свойствах человеческого сознания, о познавательных способностях разума:

«Le fond d'un grand talent est toujours beaucoup de raison [14, с. 180]¹.

Pour les hommes, nés avec un peu de talent, il n'y a que deux sortes de livres: ceux, qui font penser, et ceux, qui contiennent de faits [14, с. 180]².

L'esprit ne voit que les rassemblances; le jugement et la génie voient les diffé-

¹ «В основании большого таланта всегда лежит много ума». (Фр.)

² «Для людей, родившихся с долей таланта; есть лишь два сорта книг: те, которые заставляют думать, и те, которые содержат факты». (Фр.)

rences: c'est que les objets se ressemblent par les côtés les plus grossiers, au lieu qu'ils different par les côtés les plus delicats [14, с. 180]³.

Le génie n'est qu'une plus grande aptitude a la patience» [14, с. 180]⁴.

О Бюффоне Карамзин говорит также в своей торжественной речи, произнесенной в Российской академии наук (1818). Адресуясь к юным талантам и дарованиям, говоря о блеске литературной славы, Карамзин называет другую, вернейшую награду писателя – «внутреннее услаждение деятельного таланта», в также напоминает им мысль Бюффона о любви к труду и необходимости терпения, коим «мы обязаны столь многими бессмертными творениями и которое Бюффон называл *превосходнейшим даром*: ибо не одни сочинители фолиантов, не одни антикварианты имеют нужду в терпении: оно, может быть, ещё нужнее для великого поэта, для великого оратора или великого живописца природы» [11, с. 175].

Таким образом, к личности и сочинениям Бюффона Карамзин обращался не раз в течение своей жизни, вёл с ним длительный диалог о писательском труде, о таланте, о человеке, его чувствах и разуме, – вернее, полилог, третьим и почти постоянным участником которого был Жан-Жак Руссо.

Следуя, по всей видимости, примеру Плутарха, Карамзин нередко использовал жанр «сравнительных жиз-

³ «Разум видит только лишь сходства; способность суждения и гений видят различия: дело в том, что предметы сходствуют своими наиболее грубыми сторонами, тогда как различаются они сторонами наиболее тонкими». (Фр.)

⁴ «Гений – это только лишь величайшая способность к терпению» (Фр.)

неописаний», сопоставляя взгляды и характеры как реальных исторических личностей, так и созданных им художественных образов. Параллельное описание двух позиций было в целом свойственно Карамзину-философу, журналисту, писателю. «Несогласия, раздвоение мысли – это, в сущности, типологический показатель всей художественно-прозаической системы Карамзина, это её устойчивая черта» [2, с. 22]. Философский диалог представляет собой опубликованная в «Московском журнале» (1791. Ч. 1) переписка «Бель к Шафтсбури» и «Шафтсбури к Белью»; по принципу диалога построена своеобразная жанровая форма «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» («Аглая». Ч. 2). Материалы, в основе которых лежит сравнение, сопоставление, Карамзин публиковал также в «Вестнике Европы»: «Сравнение Дидерота с Лафатером» (1802. № 5), «Бюффон и Руссо» (1802. № 8), «Чувствительный и холодный» (1803. № 19).

Противоречивое соположение разных идеологических концепций «без вынесения над ними окончательного авторского суда» [13, с. 578-579] было свойственно Карамзину и в «Письмах русского путешественника».

То и дело сопоставляя Бюффона и Руссо, Карамзин отслеживал их отношение к любви, к работе над стилем, к славе и уединению, т. е. прежде всего к тому, что волновало и самого русского автора, к тому, о чём необходимо было выработать собственное суждение. Сравнивая двух мыслителей, он взвешивал их мнения, выбирал их высказывания на определённые темы, рассматривал их позиции, пытаясь определить, кто более прав, кто ему

ближе, на чьей стороне истина. Одна из публикаций «Вестника Европы» (1802. № 8) так и называется: «Бюффон и Руссо».

Основанием для сопоставления служило не столько сходство или различие точек зрения избранных персонажей, сколько их отношение к тем проблемам, которые были актуальны и для Карамзина (принцип, которому он следовал также в своих рукописных альбомах, составленных для великой княгини Екатерины Павловны [14] и для императрицы Елизаветы Алексеевны [4]).

Разделяя во многом религиозные и философские воззрения Руссо, Карамзин был не вполне согласен с французским мыслителем, когда тот говорил о необходимости уединения: «Нет, нет! Человек не создан для всегдашнего уединения и не может переделать себя. Люди оскорбляют, люди должны и утешать его. Яд в свете, антидот там же» [11, с. 121]. Но возвращаясь к мысли о благотворности временного уединения для добрых и чувствительных душ, Карамзин находил единомышленника в Бюффоне, приводя его высказывание: «La solitude est la mère du génie»¹ [14, с. 180].

С точки зрения динамики отношения к Бюффону представляет интерес сравнение разных по времени обращений Карамзина к наследию французского автора. В 1797 г. в письме к И.И. Дмитриеву Карамзин создал написанный от лица женщины лирический этюд «Мысли о любви». Имея в виду Бюффона, он писал от лица своей героини: «Один великий писатель сказал, что, кроме физического удовольствия, ничего нет, ни хорошего, ни естествен-

¹ «Одиночество – мать гения» (Фр.).

ного в любви. Этот великий писатель имел весьма малую душу.

Физическое удовольствие не значит ничего в истинной любви; предмет её слишком свят, слишком божествен в наших глазах и не может возбуждать желаний: чувства спокойны, когда сердце взволновано, – а оно всегда в волнении при этой страсти ...» [7, с. 173] и т. д. (оригинал по-французски).

В публикации «Бюффон и Руссо» сопоставлены их мнения о любви: «Оба писали о любви: изображая её сладость и муку с жаром и трогательную истину, Руссо восхитил сердца чувствительных; Бюффон оскорбил их, утверждая, что одна физическая любовь хороша и что моральная есть зло» [3, с. 340; 23, с. 417].

Далее следовало разъяснение: «Заблуждение Бюффоново произошло от роду его упражнений. Его всегдашние размышления о феноменах Натуры не позволяли ему размышлять о следствиях общества; если бы он подумал об них, то увидел бы, что моральные наслаждения, окружающие взаимную склонность двух полов, производят совершенное счастье людей, соединяя в них пламя чувств с нежнейшею кротостью души» [3, с. 341].

Однако в Альбоме, посвящённом Елизавете Алексеевне (1821) [4], в разделе, специально озаглавленном «Любовь», Карамзин помещает только один отрывок – из Бюффона. Французский философ и естествоиспытатель определяет любовь как сокровенное желание, как основание и неисчерпаемый источник существования, как душу природы, как верховную могущественную силу, которая может всё и которой противостоять не может ничто, благодаря которой всё движется, всё ды-

шит, всё обновляется; как божественное пламя, как начало бесконечности, лучи Провидения, дыхание жизни; как то драгоценное чувство, которое единственно может растопить железные и ледяные сердца, вороша внутренний жар; как первопричину всего добра, всех сообществ, непротиворечиво объединённых лишь чарами самой природы, единственный неиссякаемый источник всех удовольствий, всех наслаждений ... Заканчивается фрагмент восклицанием: «Amour! pourquoi fait-tu l'état heureux de tous les êtres et le malheur de l'homme?» [4, с. 29]¹.

Таким образом, Карамзин неожиданно находит союзника в своём бывшем оппоненте – Бюффоне, который оказался способен к поэтизации непосредственного, искреннего, пламенного чувства.

Карамзинская статья «Что нужно автору?» также обнаруживает несомненные переклички с Бюффоном: «Слог должен быть верным изображением писателя» (Бюффон) [6, с. 147]; «Творец всегда изображается в творении и часто против воли своей» (Карамзин) [11, с. 60] и т. д.

Не случайно в дальнейшем, воссоздавая образ Карамзина, говоря о его писательской манере, современники, мемуаристы, историки литературы не раз проводили аналогии с Бюффоном, относя к Карамзину его наиболее известные и наиболее близкие русскому автору высказывания: «В слог – говорит Бюффон, – два главные свойства, движение и порядок». Слог г-на Карамзина отличается именно этими двумя свойствами», – читаем в статье

¹ «Любовь! Почему ты делаешь счастливыми все существа и составляешь несчастье человека?» (Фр.)

П.И. Шаликова «О слоге господина Карамзина» [10, с. 42].

«Le stile est tout l'homme (в слоге заключается человек), говорит Бюффон. Это в точности можно было отнести к Карамзину. Основательность, спокойствие, ясность, чистота, правильность, благоразумная бережливость, гармония его слога – видны были в его делах и обращении; но качества сии получали новый блеск и неотъемлемую прелесть от нежности сердца, от теплоты душевной, кроткой сострадательности и трогательного человеколюбия, коими оживлялись все помышления, слова и поступки» [1, с. 472].

«Терпение составляло отличительную черту его характера как в работе, так и в перенесении житейских превратностей. Известна его любимая ссылка на слова Бюффона, что даже самый Гений есть не иное что, как терпение в высочайшей степени. Конечно, терпение без дара природы ничтожно для творчества: но он, щедро одарённый талантом, развил его в себе в высшей степени с помощью чрезвычайного терпения» [21, с. 200].

Русскому писателю близки были и философские воззрения Бюффона на проблемы человеческого познания.

Но возможен ещё один важный поворот темы: это отмеченный как бы безотносительно к Карамзину, но на самом деле имеющий к нему прямое отношение факт зарождения эволюционной теории именно в научной доктрине Бюффона [19, с. 7].

Бюффон открыл существование причинно-следственной связи в природном мире. Карамзин предпринял попытку постигнуть её в человеческой истории, сказав: «Настоящее бывает следствием прошедшего». Дело, конеч-

но, не в одном Бюффоне. Понимание истории как развития от низшего к высшему является открытием европейской просветительской философии в целом [см. 15].

Но желание «в настоящем искать прошлое и объяснять это небольшое настоящее как результат вековой деятельности<...> прошлого» [19, с. 7] побудило Карамзина заняться российской историей, легло в основу его исторической концепции. Карамзин понял обусловленность настоящего прошедшим. История была нужна ему для постижения настоящего: «... чтобы знать настоящее, должно иметь сведение о прошедшем» [11, с. 154]. Не расставаясь с идеями провиденциализма, Карамзин всё же приблизился к пониманию истории как процесса развития самого человечества, к отображению ступеней этого процесса, попытался постичь его внутренние закономерности.

Во всяком случае, связи карамзинского наследия с европейской культурой настолько обширны и многообразны, что нынешняя степень их изученности не может считаться достаточной и требует продолжения работы в этом направлении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Греч Н.И. О жизни и сочинениях Н.М. Карамзина // Карамзин: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, исследователей, критиков. Антология. Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РГХА, 2006. С. 468-473.
2. Гурвич И.А. О развитии художественного мышления в русской литературе (конец XVIII – первая половина XIX века). Ташкент: Фан, 1987. С. 20-43.
3. Вестник Европы. 1802. № 8.

4. Карамзин Н.М. Альбом с различными выписками (Стихи, пословицы и др.), 1821 // ГАРФ Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Индекс 567.
5. Карамзин Н.М. О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Николай Карамзин: Сборник. М.: Новатор, 1998. С. 269-332.
6. Карамзин Н.М. Переводы Н.М. Карамзина. Изд-е 4. СПб.: Тип. Александра Смирдина, 1835. Т. 1-9. Т. 7. (Пантеон иностранной словесности. Ч. 1). – [4], 219 с.
7. Карамзин Н.М.. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. 727 с.
8. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника (серия «Литературные памятники»). Л.: Наука, 1987. 718 с.
9. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Ю.М. Лотмана. Л.: Советский писатель, 1966. 424 с.
10. Карамзин: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, исследователей, критиков. Антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб.: РГХА, 2006. 1080 с.
11. Карамзин Н.М. Соч.: В 2 т. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1984. 456 с.
12. Кафанова О.Б. Библиография переводов Н.М. Карамзина (1782-1800) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Сб. 16. Л.: Наука, 1989. С. 319-337.
13. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и их роль в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 525-606.
14. Лыжин Н. Альбом Карамзина // Летописи русской литературы и древности. М.: Тип. Грачева и комп., 1858. Кн. II. С. 161-192.
15. Макогоненко Г.П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. XVIII век. Сб. 13. Л.: Наука, 1981. С. 3-66.
16. Мильчина В.А. О Бюффоне и его «стиле» // НЛЮ. 1995. № 13. С. 157-166.
17. Подгаецкая Н.Ю. Избранные статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 592 с.
18. Разумовская М.В. Бюффон-писатель. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1997. 156 с.
19. Разумовская М.В. «Естественная история» Бюффона и Фонвизин (к постановке вопроса) // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. XVIII век. Сб. 15. Л.: Наука, 1986. С. 97-108.
20. Росси Л. Сентиментальная проза М.Н. Муравьева (Новые материалы) // XVIII век. Сб. 19. Л.: Наука, 1995. С. 114-146.
21. Сербинович К.С. К.С. Сербинович о Н.М. Карамзине / публ., [вступ. ст. и примеч.] Б.Д. Гальпериной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. [Т.] IX. С. 193
23. Buffon. Histoire naturelle, générale et particulière: En 36 t. Paris: De l'imprimerie de F. Dufart, 1749-1788. T. IV. 603 p.